

УДК 34

Религиозная ненависть и вражда как мотив совершения преступления

Горлачева Маргарита Георгиевна, студент, Забайкальский государственный университет, margogorlacheva125@gmail.com

Устанавливая мотивы совершения криминальных деяний, а также их квалифицирующие признаки, законодатель не всегда даёт их толкование, отсылая правоприменителя к положениям доктрины либо к определениям, выработанным судебной практикой. Это приводит к трудностям в понимании и толковании норм закона, что влечёт за собой неверную правовую оценку действий лиц, виновных в совершении преступлений.

Ключевые слова: преступление, мотив, религиозная ненависть, религиозная вражда, проблемы, разъяснения, судебная практика.

Россия является многонациональным государством, что указывает на ее особенность и уникальность: в ней проживают люди разных национальностей, исповедующие различные религии. Такое религиозное многообразие является следствием исторического развития российского государства и, с одной стороны, представляет собой привлекательный фактор, позволяющий обогатить культуру, традиции и обычаи нашей страны. С другой стороны, оно может стать причиной конфликтов, формирующихся на религиозной почве, что весьма опасно для внутренних устоев страны и требует большого внимания со стороны власти.

Многонациональный характер России закреплен в ее Конституции, нормы которой гарантируют свободу вероисповедания: каждый российский или иностранный гражданин в России свободен в выборе религиозных убеждений. При этом запрещаются пропаганда и разжигание религиозной ненависти и вражды, религиозного превосходства (ст. 3, 28, 29 Конституции РФ) [1], за что предусмотрена ответственность нормами КоАП РФ (ст. 20.3.1) [3] и УК РФ [2].

Мотив религиозной ненависти или вражды может выступать побуждающим фактором, толкающим гражданина на совершение преступного посягательства, что обусловило решение законодателя признать данный мотив в качестве квалифицирующего признака совершения некоторых преступлений (например, убийства, побоев и др.). В то же время этот мотив закреплен и в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Иными словами, если субъект совершает преступление с данным мотивом, то ответственность за него будет строже.

К сожалению, нет возможности изучить динамику преступлений, совершенных по мотивам религиозной ненависти или вражды, поскольку Судебный департамент при Верховном Суде РФ не ведет статистику по отдельным квалифицирующим признакам.

Следует указать на проблемность правоприменения в отношении рассматриваемого мотива совершения преступления. Во-первых, данный мотив весьма трудно установить. Во-вторых, законодатель не разъясняет его понятие и содержание.

В статьях УК РФ указаны два отдельных мотива: «религиозная ненависть» и «религиозная вражда». По замыслу законодателя, они отличаются друг от друга, однако, каким образом их разграничивать, законодатель не поясняет.

Законодательно зафиксирована позиция [2], [6], согласно которой преступления, совершенные, в том числе по мотивам религиозной ненависти или вражды, относятся к преступлениям экстремистской направленности. Из этого можно заключить, что основой формирования религиозной ненависти и вражды у виновного является принадлежность потерпевшего к определенной религии, с положениями которой виновный не согласен.

Такой подход к толкованию исследуемого понятия можно рас-

сматривать через призму действий преступников, стремящихся выразить свое недовольство и ненависть, реализовать насильственные посягательства в отношении тех лиц, которые исповедуют другую религию, и именно это ставит их в категорию «неправильно мыслящих», «неполноценных» [5]. Так, признаки религиозной ненависти и вражды можно увидеть на примере действий приверженцев религии Свидетелей Иеговы. В 2017 г. Верховный Суд РФ признал экстремистской организацию «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и запретил ее деятельность [7]. Несмотря на запрет, сторонники данного вероисповедания до сих пор продолжают активно склонять и вовлекать граждан в деятельность организации. При этом в ходе проповедей они сообщают людям о том, что их религия является единственно истинной и правильной, и только ей следует доверять, чтить ее и следовать ее наставлениям и т. д. [11].

Справедливо отмечается, что виновный внутренне убежден: именно исповедуемая им религия является истинной и правильной, а ее положения подчеркивают исключительность своих последователей. Поведение виновного, как правило, носит демонстративный характер: своими действиями он стремится унижить, обидеть, причинить различного рода вред потерпевшему, являющемуся приверженцем иной религии или вовсе не исповедующему никакой [4]. Например, Д. был осужден по ч. 2 ст. 280 УК РФ: он разделял идеологию радикального ислама и в сети Интернет разместил текст, в котором призывал своих единоверцев объединиться и вести вооруженную борьбу с представителями иной религии [9]. Действия Д. позволяют говорить именно о ненависти к представителям иной религии, которую он открыто демонстрировал.

Вспомним нашумевшее дело 2012 года, когда хулиганство по рассматриваемому мотиву было совершено девушками из одного вокального коллектива. Они пришли в Храм Христа Спасителя г. Москвы, одетые вызывающе, скрывая лица под масками, зашли на площадку, предназначенную для религиозных обрядов, и, прыгая и кривляясь, кричали: «Срань! Срань! Срань Господня!». В это время храм был полон прихожан, и все они вынуждены были наблюдать такие неприличные действия. Сами виновные настаивали на том, что не испытывают ненависти к православию, а их поступок носил характер политической акции [10].

Выводы суда, на наш взгляд, несут дискуссионный характер. В действиях виновных явно выражен оскорбительный подтекст по отношению к верующим, что подтверждается показаниями свидетелей. Так, свидетель Б. С. Н. отметил: «действия девушек являются надругательством над Святым местом. Такое неподобающее поведение оскорбило его чувства православного верующего, а также чувства других православных граждан, которые просили о помощи и прекращении этих оскорбляющих действий». Другой свидетель, А. Т. А., пояснила, что неприличные действия девушек «глубоко

оскорбили ее как православную верующую».

Экспертное исследование действий виновных привело к выводу, что они «могут быть оценены как действия, являющиеся умышленным грубым нарушением общепризнанных норм и правил поведения в общественных местах, выражающие явное неуважение и пренебрежительное отношение к социальной группе православных верующих — по признаку отношения к религии, ... обоснованно могут быть оценены как совершенные по мотивам религиозной ненависти и вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы православных верующих».

Суд пришел «к убеждению, что действия Т., С. и А. унижают и

оскорбляют чувства значительной группы граждан, в данном случае по признаку отношения к религии, возбуждают у них ненависть и вражду, тем самым нарушают конституционные устои государства».

Кассационная инстанция признала приговор законным, обоснованным и справедливым, указав на наличие в действиях виновных состава преступления, т. е. согласилась с наличием мотива религиозной ненависти и вражды [8].

Таким образом, исследуемый мотив религиозной ненависти или вражды требует разъяснения со стороны законодателя в целях его единообразного толкования правоприменителями.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 15. – Ст. 1691.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
4. Кияткина И.А. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. - № 1. – С. 23-27.
5. Шнайдер Л.Г. Преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд.юр.наук. - М., 2006. – 42 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, август 2011, № 8.
7. Решение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238 // Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238> (дата обращения 16.08.2025).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 10 октября 2012 г. по делу № 22-13222 // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2046311> (дата обращения 15.08.2025).
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 г. по делу № 205-АПУ18-23 // Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/PkeEm05T7Qbn> (дата обращения 15.08.2025).
10. Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 17 августа 2012 г. № 1-170/12 // Режим доступа: https://pravo.ru/store/interdoc/doc/382/Mihailov_Pussy_otchet.pdf (дата обращения 15.08.2025).
11. Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края от 30 июля 2024 г. по делу № 1-3/2024 // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ghGLBKIGJGYP> (дата обращения 15.08.2025).

English version

Religious hatred and enmity as a motive for committing a crime
Gorlacheva Margarita Georgievna, student, Transbaikal State University

When establishing the motives behind criminal acts and their qualifying features, the legislator does not always provide clear definitions, instead referring law enforcers to doctrinal provisions or to interpretations developed by judicial practice. This leads to difficulties in understanding and interpreting legal norms, which in turn results in incorrect legal assessment of the actions of individuals guilty of committing crimes.

Keywords: crime, motive, religious hatred, religious enmity, challenges, clarifications, judicial practice.